

Глава 5

Любовь на крючке

Получилось так: я думал сбежать от всего, но вместо этого притащил все за собой. С момента, когда я открывал глаза утром, не проходило ни одной минуты, чтобы я не думал о происходящем там, - дома. Душа моя кипела гневом и возмущением, - так что даже девственно чистая окружающая меня природа не могла ее успокоить.

Озеро Нелли одно из самых любимых моих мест на Земле. Оно затеряно высоко в горах. В него упирается лишь одна дикая тропа длиною в пять миль, которая извивается вверх практически вертикально. В Калифорнии говорят, что если отойти подальше от дороги на двадцать минут, уже оставляешь позади 90% конкурентов – рыбаков. А тут – поход на два с половиной часа, так что я редко кого здесь встречаю – даже в середине лета. А поскольку наступал сентябрь, все озеро было моим в этот нежаркий полдень.

Озерцо по размерам небольшое, но я науживал в нем немало радужной форели приличных габаритов.

Больше того, это было единственное место, в котором пойманная мной рыба вела себя именно так, как это изображают на обложках журналов про загородное времяпровождение. Стоило мне ее зацепить, как она выскакивала из воды, в отчаянной попытке освободиться от крючка и ретироваться. Кто будет оспаривать, что мне процесс ловли доставлял больше удовольствия, чем рыбе?

Лори уехала загород, к своим родителям на выходные. В порыве отчаяния, который не прошел без причуды, я решил позволить себе восстановить нервы посредством самоличного выезда на природу, а именно к берегам озера Хантингтон, взяв наш прицеп тур-вагончик в качестве убежища. Я уже отпечатал заявление об уходе с работы, но чтобы не пороть горячку, пока спрятал его в ящике стола.

Я принял близко к сердцу нашу последнюю беседу с Джоном, за прошедшие с того момента полгода мои отношения с Богом действительно начали возрастать. Я чувствовал Его присутствие постоянно. И только я начал научиться доверять больше Богу, чем своим собственным усилиям, как в церкви разразился скандал. Я вдруг перестал видеть перед собой Бога во всем и уже опять блуждал взглядом в поисках знакомого лица Джона в каждой толпе, мимо которой мне случалось проходить. В конце концов, я сдался и решил уехать от всего прочь, хотя бы на несколько дней.

Прошло вот уже два часа, как я, устроившись на своем любимом месте с южной стороны озера Нелли, отыгрывался на рыбе. То, что я выловил десятка два рыбин и всякий раз испытывал радость, подтягивая их к берегу, лишь на мгновение отвлекало меня от той обширной боли, которая жила у меня внутри. Как только я отпускал очередную жертву на свободу и оснащал крючок, я возвращался к этой боли, кипя изнутри. За годы работы в недвижимости, я видал и не такие конфликты, но я никогда еще не сталкивался с людьми, которые усердно трудятся над тем, чтобы внешне выглядеть милым и невинным сообществом, но раздражают его изнутри враждой и обманом.

«Идиоты!» - крикнул я на все озеро, высвобождая часть гнева - раз уж моя удочка пока не подавала признаков успеха.

«Надеюсь, я не из них?» - знакомый голос донесся с высоты прямо за мной. Вздвигнув от неожиданности, я резко вскочил и повернулся. Джон, с рюкзаком за спиной, прокладывал себе путь с верхушки пригорка к берегу озера.

Я чуть было не споткнулся о свою удочку, одним движением пытаюсь положить ее, повернуться и поприветствовать Джона. «Что вы делаете тут?»

«Я, собственно, приезжаю сюда каждый год, примерно в это же время на пару недель – просто, чтобы побродить в горах и насладиться покоем и тишиной. Обычно тут тяжело кого-нибудь встретить, и уж тем более тех, с кем знаком!»

«Это уж точно! За это я и люблю этот уголок».

«Так, может, я тогда пойду?»

«Шутите?!?!»

Он ослабил нагрудный ремешок и снял рюкзак с плеч, поставив его у старого пня. Потянувшись, он спросил «Частенько ты сюда выбираешься?»

«Не особо, раз в год максимум...» внезапно моя удочка дернулась и свалилась с бревнышка, на котором я ее устроил. Я спохватился и начал подтягивать добычу. То, что было похоже на 45 сантиметровую рыбку, стремительно приближалось ко мне, периодически прорывая водную гладь. Внезапно леска, ослабла, свидетельствуя о том, что рыбка сорвалась с крючка. Джон и я вместе усмехнулись, я подтянул пустые снасти и положил удочку на берег. Рыбалка занимала меня теперь меньше всего.

«Сорвалась», – сказал Джон. Потом, устроившись на бревнышке, он спросил: «Ну, так кто идиоты, Джейк? Рыбины?»

Мое лицо залилось краской при воспоминании о вспышке гнева несколько секунд назад. «Нет, рыбалка идет как раз, как нельзя лучше. Это я о людях в церкви, там – дома. Не поверите, Джон. Все вылезло на поверхность буквально за последние несколько недель. Кажется, оно произвело на свет все самое худшее в каждом...»

Джон прервал меня на том месте, где я начал заводиться. «Погоди, давай начнем не с последних событий. Расскажи мне, как идут у тебя дела с момента последней нашей беседы».

Мне потребовалось немного поостыть и перевести мысли с того, что я хотел ему сказать на нашу последнюю встречу.

«Все шло очень хорошо. Я, было, начал радоваться возрождающимся отношениям с Богом, как тогда, когда впервые познал Его. Я прекратил свои попытки производить что-либо своими усилиями, и Он стал являть мне Себя все больше и больше. Я начал видеть в себе то, что никогда раньше не замечал: насколько я притязателен, как мало я доверяю Христу в

мелочах. Но знаете, что? Его это особо не заботило. Он просто снова и снова показывал мне, насколько явственным Он хотел быть в том, как я живу».

«Это здорово! Я знаю, поверить в это трудно, но удовольствие от таких простых отношений завершит полноту во всем том, что Бог хочет произвести через тебя».

«Возможно, но, наверное, не сейчас. На меня навалилось сейчас столько всего! И я постоянно так зол, что это уже настораживает мою собственную жену».

«Ты и на нее зол?» Джон поднял мою удочку.

«Не думаю, но бывает и на нее срываюсь».

«Ты на пастора злишься?»

«Я пытаюсь не злиться, но он делает это невозможным для меня. Я выровнял свои отношения с ним: перестал пытаться изменить его или насильно привлекать к взаимоотношениям, которых он больше не искал. Но тут грянул этот злополучный концерт».

«Ты говорил ему, о том насколько ты зол?» - спросил Джон, закинув пустой крючок в озеро.

«Пока еще не говорил! Он же меня точно уволит – и куда я пойду? Я уже подумываю об увольнении – уже даже заявление написал, но все-таки хочу сначала найти хоть какую-нибудь работу. Я на этого парня столько спину гнул... и вот тебе на: такой разворот событий!» - я глубоко вздохнул и покачал головой. Я чувствовал, как кровь пульсирует в висках. «Он хочет, чтобы я солгал ради него».

«О чем?»

«Наш молодежный пастор спланировал открытый концерт в честь начала учебного года две недели назад, в целях привлечения неверующей молодежи в церковь. Он выбрал музыкальную группу, песни которой действительно несут глубину евангелия, и которая к тому же за день до того провела акцию против наркотиков для старшеклассников в местной школе. Он и наши дети развесили объявления, разнесли их по всем близлежащим кварталам. Народу пришло много, но это только усугубило глубину конфликта. Наше старшее поколение как раз в это время, проводившее что-то свое, услышало музыку и решило, что она слишком похожа на мирскую. Всем обществом они пошли проверить, что происходит, и увидели там девушек, одетых в непристойно открытые майки, и парней, вырядившихся, как бандиты. Я так думаю, что тогда это их просто испугало, но теперь они обвиняют молодежного пастора в осквернении святыни.

Чуть позже мы обнаружили, что кое-какие из наших новых кресел были исполосованы ножами, и чьи-то инициалы красовались там и сям на спинках. Пропало кое-что из звукового оборудования, а в мужском туалете на стене появилась картинка в стиле граффити. Мы насчитали убытков на \$3,500, так что теперь все требуют чью-нибудь голову на плаху. Некоторые родители делились, что по слухам, после концерта на стоянке распивались спиртные напитки, и молодежь курила».

«Акции по привлечению сопряжены с недоразумениями», - предложил свое утешение Джон, все еще наблюдая за недвижимой леской на поверхности воды.

«Я так понял, что последние имеют тенденцию усугубляться по завершении этих акций. Некоторые люди вообще обозлились, когда услышали, что произошло. Надо было только слышать, что выкрикивалось в пылу гнева: «Нам достаточно, что это входит в наши дома с телевидением. Не желаем, чтобы это проникло и в церковь!» «Что это мы пытаемся спасти чьих-то детей, когда теряем своих!» «Церковь наполнили бандиты!»

«Что на самом деле - большой плюс, если намеченная цель была действительно привлечь молодежь с улицы».

«Это мне и проясняется теперь. Ужасает то, что люди, оказавшиеся по разные стороны баррикад развернули друг против друга ожесточенный бой».

«Если память мне не изменяет, то с парадного входа в вашу церковь красуется обетование «Основания жизни – в любви»?

Я не смог сразу вспомнить, о каком обетовании он говорит. «А, это..... Оно висит там так давно, что вряд ли кто-нибудь уже обращает на него внимание».

«Нельзя не согласиться», - хмыкнул Джон.

«Вам весело?» - огрызнулся я, не находя ничего смешного в сказанном.

«Нахожу в этом больше иронии, чем веселья. Но в основании всего этого конфликта разве не лежит проблема административной и функциональной структуры? Последняя предоставляет нам нечто, гораздо более важное, чем просто любовь друг к другу. Как только вы выстраиваете вместе организацию, то вам, чтобы быть хорошими в ней служащими, необходимо охранять ее саму и то, что ей принадлежит. Все запутывается. Даже понятия любви и нелюбви приобретают другой смысловой оттенок: любишь – значит, защищаешь организацию, не любишь – не защищаешь. И тогда даже самые замечательные по жизни люди неистовствуют, как безумные и им не приходит в голову, что брань и упреки противоположны тому, что есть любовь».

Джон подтянул леску с пустым крючком и, продемонстрировав его мне, сказал: «Это любовь на крючке. Если делаешь, что мы хотим, мы тебя похвалим. Не делаешь – мы тебя накажем. А это к любви не имеет никакого отношения. Мы проявляем свое расположение только к тем, кто служит нашим интересам, и удерживаем его от тех, кто нет».

«Ну и базар!»

«Понимаешь, насколько это болезненный вопрос? Вот почему организация может отражать Божию любовь только тогда, когда ее члены соглашаются в том, что они будут делать. Каждое несовпадение мнений превращается в поединок за главенство».

«Это правда. И продолжается гораздо дольше, чем того заслуживает сам конфликт мнений. Люди наполняются злобой друг к другу. Меня так словесно отхаживали, что этим... - в неживимости - надо бы еще поучиться. Недовольства не унимаются, не смотря на то, что

одна семья уже пообещала взять на себя расходы по необходимому ремонту и покупке украденного оборудования. Ничего не понятно».

«Не понятно в том случае, если под этим не лежит более глубокий конфликт».

Об этом я как-то не задумывался, но, проанализировав и более ранние выступления, обнаружил, что мнения разделялись и по другим вопросам также. «Вы, может быть и правы, Джон. У нас, случилось, оставались неразрешенными конфликты между теми, кто думают, что наше собрание уж слишком откровенно врастает само в себя, и теми, кто считают, что новые люди испортят все, что мы имеем».

«Это тоже нельзя назвать редкостью. Мне приходилось бывать на таких собраниях, где верующие вели войну по поводу того, какие песни петь и кому разрешать пользоваться новым спортивным залом. Одни думают, чем привлечь новых верующих, другие – как сделать так, чтобы пользоваться этими благами самим. Такие вопросы нелегко разрешать».

«Я просто устал от всего этого бреда и в ужасе вспоминаю о том, что мне придется туда возвращаться. Завтра на вечер назначено особое собрание паствы для разрешения: кто прав, кто виноват. Все прилично обозлены! Некоторые из членов совета настаивают на увольнении пастора по молодежным делам и сердиты на Джима за то, что он позволил всему этому произойти».

«Как ты думаешь, чем все закончится?»

«Если пастор ничем не побрезгует, он спасет свою шкуру. Скорее всего, он выпроводит пастора по молодежи. Он уже намекнул ему на то, что если тот напишет «по собственному», то хорошая рекомендация ему обеспечена. Но именно вот в этом месте он и хочет, чтобы я солгал ради него».

«И что же он хочет от тебя услышать?»

«Он пытается устраниваться от всего произошедшего и хочет сказать всем, что не имел понятия, что за музыкальная группа была приглашена. Но он знал! Он прослушал один из их дисков заранее, и его предупредили, что музыка – пограничная и близка к мирской. Пастор слышал ее, единственное, что он сказал мне и Бену - то, как его радует мысль о том, что мы проведем такую акцию для погибающей молодежи нашего района».

«Ну и ну!»

«Да! А теперь он извратил факты. Пару дней назад один из наших служителей надавил на него, и он выгородил себя, сказав, что его вообще втянули в то, к чему он непричастен. Оказывается, за все несу ответственность я, потому что это я все одобрил! Теперь, версии пастора и Бена совершенно противоположны. И каждый из них объявляет другого обманщиком. Когда я напомнил пастору о нашей беседе до концерта, он сказал, что на пике разбирательств он совсем забыл о том, что прослушивал диск. Когда я предложил ему уточнить факты в своей версии, он сказал, что голые факты дела не меняют и меньше всего отражают истину: если бы он знал, что произойдет тем вечером, он никогда бы не разрешил проведение этого концерта. Теперь он хочет, чтобы я поддержал его версию произошедшего и отдал Бена на растерзание. По его мнению, после всего того, что он сделал для меня, я обязан сделать это для него».

«Поверь мне, если он говорит, что ты ему должен, то на самом деле он для тебя ничего не сделал».

Его слова повисли в воздухе, пока до меня доходил смысл сказанного: «Ничего не сделал для меня? А для кого тогда? Не для себя же?»

«Именно так я и думаю. Однако, проясняется теперь, как наше определение любви извращается, когда дело касается приоритетов общественной организации? Я не говорю, что он не заботится о тебе, - вовсе не отнимаю это от него. Но он все равно строит вокруг себя. А теперь еще и взыскивает с тебя должок, которого нет. Проблема церкви, как ты знаешь Джейк, в том, что она превращается не во что иное, как в склад эгоцентричных требований. Все хотят поиметь свое. Некоторым хочется вести, некоторые – хотят быть ведомыми. Кому-то хочется учить, а другие счастливы быть аудиторией. И вместо того, чтобы превращаться в ничем не приукрашенное отражение жизни Божией и Его любви для этого мира, мы становимся кучкой народа, отчаянно защищающей свой навоз на поле. В этом меньше всего заметна жизнь в Боге, гораздо больше выпирает страх и желание прилепиться к таким условиям, в которых потребности находят свое наилучшее удовлетворение».

«Значит, внезапный угрожающий запах потери всего этого и превращает людей в злейших врагов? Они ведут себя прямо как злые собаки, у которых отнимают кость».

«Точно! Но хуже всего - делают это, думая, что Бог на их стороне. В такие моменты часто бывает, что группа распадается на новые, в которых обиженные могут лучше поддерживать страхи друг друга. После того, как горечь оседает, движение по тому же кругу продолжается».

«Значит, что бы я ни сделал, лучше не станет...»

«Что тебя сейчас больше всего заботит?»

«Я должен стать на сторону одного или другого».

«Значит, скажи правду... - лес рубят, щепки летят. По-моему, от тебя не требуют стать на сторону Джима или Бена, тут вопрос правды и лжи».

Я не знал, что сказать, я еще не был уверен в том, как поступлю. Хотя, Джон и прояснил суть дела, он не облегчил ситуации. На кону лежало многое, и лучше бы это вообще было не со мной. Молчание становилось неловким.

Наконец, Джон встал. «Я не знаю, Джейк, как ты поступишь, но есть одна мудрость, которую я обрел с годами. Та дружба, которая требует лжи во имя ее спасения, скорее всего не дружба вовсе».

Мысль о том, что моя дружба с Джимом была не настоящей, сильно отдавала горечью. «Я уверен, что это просто момент слабости. У него неприятности с уважаемыми людьми и он просто пытается обернуть все в лучших интересах церкви».

«Это он тебе так сказал, или ты сам сейчас придумал?»

Я уставился на него, понимая, что эта беседа не облегчает моего положения. Больше того, мои тревоги усиливались. Я глубоко вздохнул и низко опустил голову.

«Эх! Если бы это было легко. Мы знаем друг друга уже столько лет!»

«Дружба – великое дело, Джейк, но не тогда, когда ее извращают подобным образом. Я припоминаю, что ты говорил уже давно о том, что она сходит на нет».

Он был прав. Я как-то это упустил, когда Джим пришел со своей проблемой. Он был так заботлив тогда, извинился в том, что его занятость затмила нашу дружбу. И меня снова всосало назад. «Вы правы, Джон. Я действительно забыл об этом. Он давно отдалился и редко высказывает, что у него на сердце во время совещаний или молитвенных групп».

«Как ты думаешь, что он скрывает?»

«А я откуда знаю? Я даже не уверен, скрывает ли он что-нибудь».

«Опыт показывает - по крайней мере, в моей жизни – что если люди отдаляются от друзей, с которыми они съели пуд соли, то это значит - им есть, что скрывать. Ну и что ты намерен делать?»

«Я не знаю. Если прикрою его – буду иметь все. Если нет – не буду иметь ничего».

«Значит ты пока еще царек в своем мире, собственно, также как и Джим в своем».

Мне это не понравилось.

Джон продолжал: «Я знаю, как привлекательно это выглядит для тебя, Джейк. Но не обольщайся! Если хочешь до конца пройти по этому пути, тебе придется ставить честность превыше собственной выгоды. Очень легко прикрывать ложь, оправдываясь интересами церкви, но – это шаг в том направлении, где Бог не живет».

«Но мне нужна эта работа, по крайней мере пока я не найду что-нибудь подходящее».

«В жизни происходит многое, что гораздо хуже потери работы, Джейк. Но это вовсе не означает, что Бог снимает с себя ответственность за твою жизнь».

«Ну что, по-вашему, вот так просто встать и уйти? Да я своей жизни не представляю без этой церкви! Она была моим домом больше двадцати лет! Я просто не смогу без нее выжить».

«Именно так они и хотят, чтобы ты думал! Но это не так. Больше того, именно по этому поводу все так отчаянно и бьются - не на жизнь, а на смерть! Другие-то тоже думают, что они не могут все оставить, и значит – должны победить. В этот капкан попадали многие дети Божии. Когда нас охватывает ужас от того, что мы не проживем без церковной организации, то все правильное и неправильное уже не имеет смысла. Единственное, что остается важным – выжить самому. Такие рассуждения в истории церкви вели к невероятным страданиям».

«Я не имею в виду то, о чем говорите вы, Джон».

«Возможно, но это реальность сегодняшнего дня, имеешь ты ее в виду или нет. Это проблема устройства жизни церкви на основании потребности. И от нее вся путаница – что же именно хочет произвести Бог через свою Церковь?»

«То есть?»

«Зачем люди приходят в вашу церковь, Джейк?»

«Затем, что необходимо иметь общение. Нам надо насыщаться, быть подотчетными друг перед другом и расти совместно в Божием Духе. Или тоже скажете, что это не правильно?».

«Ну, а если кто-то перестает ходить, что тогда?»

«Тогда тем, кто перестает нужно найти другую поместную церковь и они должны ходить в нее. Иначе они духовно обмельчают или вообще впадут в ересь».

«Джейк, прислушайся к тому, что ты говоришь! И слова-то, какие: «нужно», «должны», «положено». Это к такой Христовой жизни призвал тебя Бог?»

«Я думал, что да!»

«В писании нет никаких требований, когда речь идет о той жизненно важной связи, которую Бог устанавливает среди верующих. Нам требуется только один Христос! Кроме Него нам никого не нужно. Он единственный за кем мы идем, единственный, в кого Бог заповедал верить и единственный, в чьи руки мы все полагаем. Стоит поставить на это святое место Его тело, что есть церковь, - тут как тут колосс! А ты потом выпутывайся, как хочешь. Религия выживает только за счет того, что: либо загоняет в строй, либо устрашает жуткими несчастьями, которые падут на твою голову, если ты в этот строй не станешь. Такие убеждения уводят от Бога.

Мы разделяем тело Христово не потому, что обязаны, а потому что мы к этому приходим произвольно. Принадлежащий к семье Божией не может не принять ту жизнь, которую Отец дал им для общей радости. И эта жизнь не означает биться за то, кто в доме хозяин, а просто помогать друг другу глубже прорасти в Нем. И стоит только допустить чему-то заслонить это – любовь сразу же становится приманкой на крючке. И мы поощряем своим вниманием выслужившихся и наказываем провинившихся, удерживая от них проявления любви».

Где-то в глубине моего сознания начались проблески того, что я не понимал ранее. Я знал: это так, и он прав. «Как я мог не видеть этого раньше, Джон? Вся система напичкана крючками. Мы даже используем то, что называем «доктринальным единством», для контроля и подавления любых разногласий. И поскольку большинство людей выстраивает о себе мнение только по способности удовлетворить других вокруг себя, то их стремление вписаться в наше учение и программы вполне естественно. Джон, это ужасно!»

Джон сидел, не говоря ни слова, тихо наблюдая за тем, как происходили глубокие открытия в моей душе.

Я не мог поверить, в какой темноте я пребывал относительно тех манипуляций, которые мы в полной мере использовали друг против друга. Не удивительно, что я постоянно умирал от усталости! С одной стороны нужно не разочаровать ожиданий тех, кто манипулирует мной, а с другой стороны требуется подтянуть их самих под соответствие моим требованиям. Я вел себя с другими людьми именно так, как пастор теперь со мной. Я даже Лори подтягивал к этой категории, принося рабочие передряги, домой и в наши отношения.

«Это обесценивает практически все, что я делаю, Джон».

«Я знаю. Тут надо помнить, что ты не один такой. Вспомни, даже сами ученики Христовы строили планы на то, кто получит более престижное местечко в Его Царствии, чтобы в облачении Божьей власти, наконец, разделаться с Самарянами. Пока не научишься доверяться Богу по каждой мелочи, постоянно будешь искать пути манипуляции другими и организовывать их на то, в чем, как ты думаешь, состоит твоя потребность».

«Что мне теперь делать, Джон? Просто уйти с работы?»

«Не думаю, что суть вопроса в этом, а Джейк? Если бы я был на твоем месте, я чуть ближе придвинулся бы к Иисусу Христу и спросил Его, чего он теперь от тебя ожидает. Он определит это достаточно четко, если ты не начнешь усложнять все приемами самозащиты: ни возможностью сохранить работу, ни желанием быть на высоте перед всеми, ни даже - попытками спасти свою репутацию.

«Кто хочет душу свою сберечь, тот потеряет ее. Так?»

«Эти слова лежат в корне познания того, что значит жить в действительности Царства Христова. Но не забывай, что у этой мысли есть продолжение: "...а кто потеряет душу свою ради Меня, тот сбережет ее". Этот путь редко бывает легким, но радость от этой жизни всегда перевешивает боль в процессе».

«А если я не прав?»

«Не прав в чем? Или может, ты думаешь, что Отец позволит тебе разок солгать, только бы сохранить какую-никакую зарплату?»

«Нет, в этом я уже разобрался. Что если я вообще не правильно смотрю на все и просто веду себя эгоистично?»

«Эгоизм – это, как правило, защита себя за чей-либо счет. А поставить на кон работу, репутацию и дружбу против того, чтобы сохранить совесть чистой - далеко от этого, по крайней мере, на мой взгляд».

«А как мне быть уверенным, что я все не испорчу?»

«Испортишь – не испортишь... по-моему, не в этом дело, как, впрочем, и не в твоей уверенности. У тебя есть возможность взять на себя ответственность и сделать то, что считаешь нужным. Если сделаешь ошибку - со временем поймешь это и извлечешь уроки. По крайней мере, научишься больше полагаться на Него, чем на то, что зовешь церковью. Идеальных людей нет, Джейк, и когда ты перестанешь постоянно оглядываться на то, как ты выглядишь, только тогда будешь свободен в том, чтобы идти за Ним».

Джон положил мне руку на плечо и заверил, что будет молиться за меня. «Ну, мне пора двигаться», - сказал он, взгромождая свой рюкзак себе на спину. Я тоже бросил взгляд на часы и не поверил своим глазам. Жена всегда нервничает, когда я выезжаю на дикую природу в полном одиночестве, и взяла с меня обещание быть поближе к цивилизации уже к 3:30 и прозвониться. А еще добрый час ходьбы! Это означало, что я опоздаю, а она может поднять всю Службу лесных спасателей на ноги!

«О, Боже! Я почти на час опоздал!»- проговорил я, бросившись собирать вещи. «Вы не в сторону озера Хантингтон случайно?»

«Нет, я на запад отсюда, там пробуду еще пару дней».

«Конечно, нет смысла спрашивать, когда мы снова встретимся....»

«Никто из нас не может этого предугадать, Джейк, да это и не нужно! Сам посуди - как это произошло сегодня. Я думаю, что Бог достаточно велик, чтобы пересечь наши пути, когда Ему надо».

Спорить с ним у меня не было времени, поэтому мы обнялись на прощание, и я отправился вниз по тропе. Я бросил последний взгляд на Джона, и увидел, как он взбирался на скалистую высотку к западу от озера Нелли. Если бы я знал, что ожидало меня впереди, я бы предпочел тогда остаться на этом озере навеки.